

18+

Алишер Токсанов

Тоблин Марат и гамак вечности

Алишер Таксанов

Гоблин Марат и гамак вечности

«Издательские решения»

Таксанов А.

Гоблин Марат и гамак вечности / А. Таксанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696395-5

Третья книга из жизни гоблина Марата. Марат встречается на кладбище своих предков. Марат узнает, что в параллельном мире по его образу и подобию создали киборгов. Он участвует в корриде против жука-носорога. И что его гамак — это часть покроя Творца. Тень Марата начинает собственную жизнь. И гоблин требует от микробов плату за проживание в его теле.

ISBN 978-5-00-696395-5

© Таксанов А.

© Издательские решения

Содержание

Гоблин Марат и гамак вечности	6
Марат на «Роллс-Ройсе»	16
Как гоблин Марат посетил картинную галерею	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Гоблин Марат и гамак вечности

Алишер Таксанов

Редактор ChatGPT

Иллюстратор ChatGPT

© Алишер Таксанов, 2026

© ChatGPT, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-6395-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гоблин Марат и гамак вечности

У гоблина Марата был гамак – не просто кусок парусины, а древнее, потемневшее от времени полотно, сплетённое из грубых, просмолённых канатов, пропахших солью, дымом и чем-то неуловимо колдовским. Это было странное сооружение, похожее на мешок, подвешенный между небом и землёй, предназначенное для того, чтобы в нём лежали, покачиваясь, как мысль в ленивой голове философа. Канаты были перевиты узлами, напоминавшими то ли морские сигналы, то ли магические руны, и когда ветер касался их, они тихо поскрипывали, будто пересказывали старые истории.

Возможно, гамак достался от прадеда, который был морским пиратом и охотился на корабле «Вечная мерзлота» – судне с обледеневшими бортами и чёрными, как прокуренные зубы, парусами. Говорили, что тот прадед однажды захватил корабль, гружённый не золотом, а северными ветрами, и с тех пор любой предмет с того судна слегка пах ураганом. А может быть, гамак перешёл по наследству от бабки, считавшейся колдуньей и использовавшей каждую тряпицу для магии: она могла подвесить старый чулок между двумя метлами и вызвать из него град или налогового инспектора. В любом случае Марат нашёл гамак на чердаке, среди пыли, паутины и старых костей неизвестного происхождения, и, немного поразмышляв, решил растянуть его между двумя соснами и покачаться на ветру.

Так он и сделал.

Ветер оказался не просто сильным – он был обижен на весь мир и мстил ему порывами. Сосны гнулись, скрипели и, казалось, спорили между собой, кто из них первый выдернется с корнем. Гамак взмыл в воздух и начал раскачиваться так, будто его обслуживал особенно злой смотритель аттракциона «Русские горки», решивший, что пассажир задолжал за билет. Это была качка в десять баллов: воздух бил по лицу, как мокрая простыня, горизонт вставал вертикально, а земля то поднималась к самым глазам, то проваливалась куда-то вниз, словно решила эмигрировать. В ушах свистело, в глазах рябило, а внутренности любого нормального существа давно бы потребовали срочной эвакуации наружу.

Но не Марата. Он лежал в гамаке с выражением почти блаженным, его острые уши трепетали от восторга, а клыкастая улыбка расплзалась всё шире. Ему нравилось, когда мир терял устойчивость и начинал вести себя неприлично. Каждый новый рывок ветра он встречал тихим смешком, а особенно резкие перевероты – довольным похрюкиванием. В такие минуты он чувствовал, что вселенная, как старая карусель, наконец-то вращается правильно.

Пока он качался, вокруг начали происходить странные вещи. Сначала, тревожно трубя хоботами, проскакали мамонты – лохматые, огромные, с глазами, полными доисторической паники. Земля под ними дрожала, будто вспоминала своё ледниковое прошлое. Следом за ними с дикими криками бежали первобытные люди с каменными топорами, размахивая ими так, словно уже тогда подозревали, что налоговая система появится гораздо позже, но лучше готовиться заранее. Они промчались сквозь сосны, не замечая ни гамака, ни гоблина, будто тот был лишь пятном на ветру.

Марат почесал затылок, раздумывая, откуда взялись эти существа. Раньше он их здесь не замечал. Хотя, признаться, раньше он и не раскачивался так энергично.

Потом, грохоча щитами, прошло войско рыцарей под предводительством Король Ричард Львиное Сердце. Сам король восседал на белом коне, словно вырезанный из мрамора, с тяжёлым взглядом и гривой волос, падающей на плечи. Его лицо было суровым, как недописанный указ, а на щите красовался лев, готовый зарычать на любую ересь. Латы рыцарей звенели, флаги развевались, копыта лошадей цокали по невидимой мостовой времени, а крестоносцы ругались так вдохновенно, что казалось, будто это и есть их главная миссия. И никому из них

не было дела до Марата, раскачивавшегося в гамаке над их головами, как странная зелёная комета.

Затем над головой гоблина замелькали самолёты – металлические стрекозы с хищными силуэтами, стреляющие куда-то вдаль, оставляя за собой полосы дыма. Грохот их моторов смешивался с ветром, и небо на мгновение стало серым от сажи и истории. А после из облаков возник остов гигантского космического корабля – скелет из стали и неизвестных сплавов, с зияющими проёмами и перебитыми антеннами. С его бортов спрыгивали кузнечики в скафандрах – длинноногие, с блестящими шлемами и тонкими антеннами, которые подрагивали, улавливая сигналы из ниоткуда. Они двигались скачками, легко и пружинисто, словно гравитация для них была лишь рекомендацией.

Марат не понимал, что происходит, и лишь в недоумении наблюдал за этим, слегка покачиваясь и посапывая. В это время над ним склонился тираннозавр-рекс, открыв страшную пасть, полную зубов, похожих на ряд кривых сабель. Из пасти пахло таким смрадом, будто все болота мира собрались обсудить свои проблемы разом. Слюна капала вниз, оставляя на ветру тягучие нити.

Но Марата это несколько не смутило. Он лишь щёлкнул пальцами, и гоблинская магия, как опытная домохозяйка, быстро навела порядок: тело ящера скрутило в плотный морской узел, кости захрустели, хвост обвился вокруг шеи, а лапы переплелись так аккуратно, будто их связывал профессиональный боцман. Затем неведомая сила подхватила этот доисторический клубок и швырнула его куда-то за горизонт, где он, вероятно, стал проблемой уже для кого-то другого.

– Мешают отдыхать, – пробурчал Марат.

И вдруг под ним всё закипело. Земля превратилась в бурлящий океан раскалённой магмы, вспухающий пузырями размером с холмы. Воздух наполнился серой, и небо стало багровым, как воспалённый глаз. Молнии рассекали тьму, ударяя в кипящую поверхность, а облака сгустились до такой плотности, что казались стеной, сквозь которую не пробьётся даже мысль. Планета выглядела молодой, яростной, ещё не решившей, кем она хочет стать – раем, адом или местом для дачников.

– Хм, что бы это значило? – бурчал Марат, цепляясь за канаты. – Хм, пять минут назад было всё нормально у моего жилища... Ой, кстати, а где мой дом?

Дом – это громко сказано. Это была хибара, сколоченная из кривых досок, кусков коры и обломков неизвестных строений, державшаяся на соплях и магии гоблина. Крыша протекала даже в засуху, стены перекошились так, будто спорили друг с другом о смысле жизни, а дверь открывалась только после уговоров. Удивительно, что она простояла здесь много лет. Внутри

не было ничего особенного – старый котёл, полка с засушенными корешками и сейф с золотом, единственная ценность, которой дорожил Марат и которую он пересчитывал чаще, чем дышал.

И когда дом исчез, это привело Марата в неопишное волнение. Он заорал так, что ветер на мгновение сбился с ритма, и попытался слезть с гамака, но порывы усилились, закрутили его, обмотали канатами, словно бинтами мумию. Гамак сжался вокруг него, превратившись в кокон, и Марат вращался в воздухе, как сердитая зелёная юла, изрыгая проклятия и угрозы в адрес всех эпох сразу.

Наконец гамак раскрутился в обратную сторону, и Марат шлёпнулся на землю. Он вскочил и замер.

Перед ним был мёртвый мир. Земля, которая только что сформировалась – более четырёх миллиардов лет назад. Чёрная, обугленная поверхность тянулась до горизонта, вулканы изрыгали пламя, а небо было тяжёлым, низким, словно нависало, готовясь рухнуть. Ни травинки, ни капли привычной воды – лишь камень, огонь и хаос. Мир без памяти, без свидетелей и, что самое тревожное, без его дома и сейфа.

Марат медленно моргнул, втянул горячий воздух и сердито произнёс:

– Похоже, я раскачался чуть сильнее, чем планировал.

Гоблин всегда был в плохом настроении. Это было его естественное состояние, как серая кожа или привычка ворчать на ветер. В хорошем он бывал лишь в двух случаях: когда пересчитывал свои золотые монеты, любовно перекладывая их из ладони в ладонь и слушая их звон, похожий на музыку для жадных ушей, или когда делал пакости людям и животным – подсыпал соль в колодцы, завязывал узлами хвосты лошадям, наводил мелкие, но обидные проклятия. Тогда его сердце теплело, а взгляд становился почти ласковым.

Но сейчас всё было не в том ракурсе: бесплодный мир, ни одной живой души, ни одного зайца, которого можно превратить в нечто съедобное, ни одного путника, которому можно испортить настроение. Вокруг тянулась чёрная, дымящаяся равнина молодой планеты, и даже вулканы изрыгали лаву как-то без энтузиазма, словно по обязанности.

Хотя...

С неба стали спускаться люди с крыльями. Сначала это были лишь светлые точки в багровой выси, но вскоре они обрели очертания – высокие фигуры с широкими, мощными крыльями, сверкающими то серебром, то угольной тьмой. В их руках блеснули мечи, длинные и тонкие, как лучи новой звезды. Они не летели – они падали и взмывали, сталкивались в воздухе, оставляя за собой огненные росчерки. Сталь звенела о сталь, искры рассыпались дождём, и каждый удар отдавался гулом в ещё горячей коре земли.

Одни, получившие увечья, падали у ног Марата. Их тела с грохотом врезались в чёрный камень, крылья ломались, перья обугливались, а мечи выскальзывали из рук. Они дергались в конвульсиях, выгибаясь дугой, словно сама боль была живым существом, терзающим их изнутри. Из ран струился свет – не кровь, а сияние, ослепительное и тревожное. Но вот раны начинали затягиваться, кости с хрустом вставали на место, перья отрастали вновь, и падшие, издав злобный вой, полный ярости и обиды, снова взмывали в небо, чтобы продолжить схватку, будто сама смерть для них была лишь короткой паузой.

Марат с недоумением наблюдал за этим, прищурив глаза. Он не знал, что это Архистратиг Михаил по велению Творца сбрасывал мятежников с Эдема. Гоблин не читал Библию – да и любые человеческие книги он обходил стороной, считая их подозрительно длинными. С трудом освоив гоблинскую грамматику, он по буквам читал заклинания, водя когтем по строчкам и бормоча под нос. Но поскольку часто делал ошибки, то и заклинания у него получались так себе. Если он желал превратить зайца в шашлык, то появлялся заяц-динозавр с гребнем и подозрительным взглядом. А если хотел жирную жабу на завтрак, то вместо жабы возникал металлический робот, который гонялся за Маратом с дубинкой в руке, издавая скрежет и требуя соблюдения техники безопасности.

Вот и сейчас, когда у его ног свалился ангел с тёмными крыльями – а это был Люцифер, – гоблин даже не сразу понял, что перед ним не очередная неудачная трансформация.

Люцифер лежал на раскалённой земле, но жар не причинял ему вреда. Его лицо было прекрасным и гордым, словно высеченным из света и тени одновременно. Чёрные крылья распахнулись за спиной, перья на них переливались металлическим блеском, а в глазах горело нечто большее, чем гнев – уязвлённая гордость и непреклонная воля. Его доспехи были темны, как ночное небо до сотворения звёзд, и даже лежа он выглядел так, будто командовал парадом.

Марат сплюнул рядом с его плечом и спросил:

– Ты кто такой, чучело? Что вы тут делаете?

Ангел буквально обалдел от такой наглости. Он приподнялся на локте, глядя на гоблина так, словно впервые столкнулся с понятием дерзости в чистом виде. Воевавшие другие ангелы – и светлокрылые, и темнокрылые – с изумлением остановили атаки. Их мечи зависли в воздухе, крылья замерли, и десятки сияющих глаз уставились на Марата, не понимая, кто это такой и откуда взялся посреди главного события мироздания.

– Ты что за существо? – заорал возмущённый падший ангел, и в его руке меч засверкал, отражая пламя юной планеты.

Гоблин снова плюнул ему под ноги и сказал с важным видом, расправив плечи:

– Я? Я – Марат! Слышал о таком?

Ангелы – и те, кто стоял за Михаила, и те, кто был с Люцифером, – в недоумении переглядывались. Ни в небесных хрониках, ни в предвечных песнях, ни в замыслах о сотворении мира имени Марата не значилось. Но он стоял здесь – маленький, зелёный, нахальный – в самом центре борьбы Света и Тьмы, Добра и Зла, словно имел на это полное право.

И потому в их умах закралось сомнение: а вдруг это некое сокрытое, особо святое создание, поставленное здесь по тайному замыслу? Может быть, он – испытание? Судья? Или воплощённая загадка, о которой даже небеса не предупреждали?

В воздухе повисла пауза. Крылья медленно опустились. Мечи перестали звенеть. Даже молодая планета будто притихла, ожидая, что скажет этот неизвестный Марат, стоящий посреди космической драмы с выражением человека... точнее, гоблина, которого просто отвлекли от отдыха.

И тут, заикаясь от волнения, Архистратиг Михаил опустил меч и, расправив сияющие крылья, произнёс:

– Э-э-э... вы, наверное, тот, кого послал Творец нам на помощь? А то мы тут никак разобраться с этим предателем не можем, – и он с нескрываемым презрением ткнул клинком в сторону Люцифера.

Тот вспыхнул, как спичка, – буквально: вокруг него взвился столб тёмного пламени, и перья на крыльях засветились багровым светом.

– Ничего подобного! – заорал он, и голос его прокатился над мёртвой землёй, как раскат грома. – Это он, мерзавец, меня отодвинул! Хотел стать самым близким к Творцу! Нечестная конкуренция!

Михаил ответил гневной тирадой, в которой звенели слова о верности, порядке и высшей воле. Люцифер, не уступая ни на полтона, обрушил на него обвинения в лицемерии и жажде власти. Их голоса пересекались, как клинки, а за словами снова последовали удары.

И вновь пошла сеча.

Небо разорвалось от блеска мечей. Крылья сталкивались, перья осыпались, как снег, только этот снег был из света и тьмы. Ангелы кружились в воздухе, пикировали, взмывали, сталкивались с оглушительным грохотом. Мечи чертили огненные дуги, и каждая вспышка оставляла в воздухе след, словно кто-то писал на небесах яростную летопись мятежа. Удары сотрясали землю, и молодая планета гудела, будто барабан под ударами космического оркестра.

Шум стоял такой, что даже вулканы притихли, уступив первенство этому небесному скандалу.

Марат не выдержал.

Он набрал в грудь раскалённого воздуха и гаркнул:

– Эй, вы, придурки, утихомерьтесь! Вы мне мешаете!

И – удивительное дело – бой снова остановился. Мечи замерли, крылья повисли, ангелы застыли в воздухе и на земле, как актёры, которым внезапно крикнули «стоп».

Все выжидательно смотрели на Марата.

А тот, важно подняв кривой указательный палец, ляпнул:

– Теперь я для вас главный!

– Ты? – в один голос закричали Михаил и Люцифер.

– Я, я, – закивал Марат, довольный произведённым эффектом. – Я выше всех вас! Что я вам прикажу – вы обязаны исполнять!

Ангелы переглянулись. Их лица выражали смесь недоумения, сомнения и осторожности. Существо, неизвестное небесным летописям, появилось в эпицентре борьбы, не испугалось ни света, ни тьмы, ни самого падшего архангела. А вдруг действительно поставлен над ними по какому-то высшему, им непостижимому замыслу?

– И что же Марат изволит? – холодно спросил Люцифер, сузив глаза.

Поняв, что ангелы клюнули на его удочку, гоблин расправил плечи и начал перечислять, загибая пальцы:

– Значит так. Мне нужен большой сейф с золотом! Потом... ещё три таких сейфа с золотом! А к ним – ещё сто сейфов с золотыми монетами!

Ангелы не поняли.

– Зачем вам золото? – осторожно спросил один из светлокрылых. – Оно же бесполезно для Рая. Это обычный металл. Химический элемент с атомным номером 79, обозначается Au, плотность около 19,3 грамма на кубический сантиметр. Практически не окисляется, химически инертен. Образуется при взрывах килоновых – при слиянии нейтронных звёзд. Разве это ценность?

– Оно тяжёлое, мягкое и прекрасно проводит электричество, – добавил другой, словно пытался утешить Марата научной справкой.

Марат аж взбеленился.

– Что за глупости? Нет ничего ценнее, чем золото! – затопал он ногой по чёрной коре планеты. – Я вам приказываю как самый главный! Я тут вам Творец!

И тут раздался оглушительный звук.

Это был не гром и не взрыв. Это было нечто глубже – звук, от которого задрожала сама ткань бытия. Словно вселенная вдруг вдохнула и резко выдохнула. Пространство исказилось, воздух стал плотным, как стекло, и треснуло небо.

Облака разошлись, будто их раздвинула невидимая рука.

Перед Маратом и ангелами предстал Он – Творец.

Его фигура была одновременно ясной и невыразимой. Огромное белое одеяние развевалось, словно сотканное из света до появления света. Лицо невозможно было разглядеть полностью – оно сияло, как центр звезды, но в этом сиянии угадывались черты строгие и величественные. Его глаза пылали гневом – не вспышкой эмоции, а гневом космического масштаба, от которого могли рождаться и исчезать галактики.

Молодая планета словно съёжилась под Его взглядом.

– Это кто тут богохульствует? – спросил Творец, и голос Его был не просто слышен – он проходил сквозь всё: через камень, через лаву, через саму мысль.

Ангелы оробели. Даже Люцифер невольно опустил меч. Михаил склонил голову.

Марат же озадаченно смотрел на Того, кто, по слухам небесных сфер, за неделю создал этот мир – отделил свет от тьмы, воду от суши, наполнил бездну формой и смыслом. Вокруг Творца дрожало пространство, будто сама реальность держалась на Его воле.

– Ты кто? – не понял гоблин.

Творец едва не поперхнулся – если можно так сказать о существе, не нуждающемся в дыхании. В Его взгляде смешались гнев и изумление. Он склонился ниже, чтобы лучше рассмотреть маленькое зелёное существо с наглым выражением лица.

– Странно, – произнёс Он. – Я не создавал такое творение... Ты кто такой?

– Я? Я гоблин Марат! – сердито ответил Марат, не испытывая ни малейшего страха.

Он не читал никаких Священных книг. Не знал ни о заповедях, ни о грехах, ни о величии Творца. Для него это был просто ещё один странный тип в длинной одежде, который появился слишком поздно и без золота.

И потому гоблин смотрел на Создателя мироздания так же, как на любого другого – слегка раздражённо и с ожиданием, что тот наконец выполнит приказ.

Озадаченный таким ответом, Творец зыркнул на ангелов так, что само пространство вокруг них задрожало, и те от страха едва не свернулись в морской узел, повторив судьбу несчастного тираннозавра.

– Признавайтесь, кто из вас создал этого червяка? – прогремел Он. – Ты, Люцифер? Или ты, Михаил? Или Гавриил? Кто?

Склонив головы, ангелы смиренно отвечали, что не знают его, никто не думал творить нечто подобное. Крылья их поникли, мечи опустились, а голоса звучали искренне. Творец видел ложь так же ясно, как свет видит тьму, и понял, что ангелы не врут. Он снова посмотрел на Марата – внимательно, почти с научным интересом.

Наконец Его осенило.

– Так ты – творение материализма! Эволюционный продукт! Ты появился из лягушки, комара, крысы, тарантула, змеи – и ещё сотня фрагментов ДНК в тебе сплетены в нелепую комбинацию!

– Чего? – не понял гоблин.

Про крысу и лягушку он был готов согласиться. Он и сам чувствовал, что внутри него живёт нечто писклявое и скользкое. Иногда хотелось утащить сыр, иногда – квакнуть в неподходящий момент. Но что такое ДНК, он не знал и знать не желал.

Однако Творец не слушал его.

– Этот Марат должен появиться спустя... хм... четыре миллиарда лет, на Земле. Когда сменятся эпохи, континенты, виды. Но как он попал в наше время? То есть в прошлое?

Ангелы лишь пожимали плечами.

Творец рявкнул:

– Ты, идиот, как попал сюда?

Марат обиделся.

– Почему я попал? Я ничего не делал! Я просто качался на своём гамаке, а тут вы мне на голову свалились!

– На гамаке? – с подозрением переспросил Творец.

И тут Он заметил его.

Потемневшее полотно, грубые канаты, странные узлы – всё это вдруг стало ясно. Творец протянул руку, и гамак сам сорвался с земли, послушно лег в Его ладонь. Он провёл по ткани пальцами – и выражение Его лица изменилось.

– Так это лоскут с Моего одеяния. Божественного одеяния! Кто посмел отрезать у Меня этот кусок? Признавайтесь!

Дрожа от страха, ангелы побросали мечи и закричали:

– О Великий! Не трогали мы Твоего божественного одеяния! Не можем мы прикоснуться к нему!

Даже Люцифер, выпрямившись, добавил:

– О Боже, я, конечно, мятежник, но не стал бы отрезать у Тебя что-то из одеяния.

Творец стал рассматривать Свою одежду и заметил небольшую дырку – аккуратную, но заметную. Края её были неровны, будто ткань зацепилась за острый сучок и медленно распоролась. Из разрыва исходило тёмное излучение – не свет и не тьма, а нечто среднее, странное, как забытая мысль. Оно пульсировало, будто в нём застряло само время.

– А, – произнёс Творец, – это Я зацепился за Древо познания, когда яблоки собирал. В Эдемском саду много работы. А вы, бездельники, вместо того чтобы урожай собирать, устраиваете здесь войны и мятежи!

Ангелы вновь пали ниц.

Лишь Марат стоял, не испытывая ни страха, ни угрызений совести. Его смелость была исключительно в невежестве. Он не понимал масштаба происходящего, не знал, кто перед ним, и потому не боялся.

Поняв это, Творец усмехнулся. Он приложил гамак к дырке, и ткань мгновенно срослась. Тёмное сияние исчезло, словно его и не было.

– Века Моё одеяние находилось на Земле, – сердито произнёс Он, – пока какой-то портной не сшил из него гамак вечности. И этот червяк, раскачиваясь на нём, повернул время вспять, нарушив все Мои законы физики Вселенной!

Марат и ухом не повёл. Он не знал не только законов физики, но и что такое Вселенная. Для него мир ограничивался болотом, хибарой, ближайшей сосной и сейфом с золотом. Всё остальное казалось излишним.

Его мало волновали галактики, ангельские иерархии и метафизические последствия. Его волновало лишь одно – сейф.

Творец, конечно, понял, что происходит в голове гоблина, и усмехнулся.

– Ладно... Возвращайся в исходную точку.

– Куда? – не понял Марат.

Но ему никто не ответил.

Перед ним всё завертелось в бешеном темпе. Пространство вспыхнуло, и в одно мгновение зажглись первые звёзды. Закрутилась спираль галактики, огненные шары сталкивались и распадались. Вулканы рождались и исчезали, океаны закипали и остывали. По небу пролетели птеранодоны, их кожистые крылья на мгновение заслонили солнце. Из воды выскочил

мегалодон – гигантская тень с пастью, способной проглотить лодку. Неандертальцы охотились на мамонтов, крича и размахивая копьями. Возникли города, рухнули империи, и, наконец, среди песков поднялась пирамида Хеопса – массивная, строгая, её каменные блоки ложились один к другому с нечеловеческой точностью, словно кто-то гигантской рукой собирал детский конструктор.

Всё это промелькнуло, будто кто-то прокрутил кинохронику Земли в ускоренном темпе.

И вспыхнуло ещё раз.

Марат по инерции пролетел несколько метров и лбом ударился о что-то твёрдое. Перед глазами вспыхнули лампы, зубы клацнули, из носа вылетели козявки, которые описали дугу и с достоинством упали в грязь. В голове зазвенело, как в пустом котле.

Он поднялся и огляделся.

Он стоял напротив своей хибары. Всё было так же, как до того момента, когда он решил полежать в гамаке. Крыша кренилась, доски скрипели, из трубы лениво тянулся дымок. Шёл дождь, крупные капли шлёпались в лужи. Из болота несло тиной и гнилью, жужжали комары – прекрасная, по меркам гоблина, погода.

И тут он вспомнил про сейф.

Взволнованный, он вбежал внутрь. Паутина с пауком висела в углу, объедки лежали на столе, грязный ковёр скручивался у порога – всё находилось на своём месте. Он распахнул дверцу сейфа и, тяжело дыша, убедился: золото на месте. Монеты блестели тусклым, но родным светом.

Марат облегчённо выдохнул.

– Да откуда у меня этот дурацкий гамак? – пробормотал он.

И тут он услышал тихий голос, словно шёпот сквозь щель в мире:

– Это я, Люцифер, передал его твоим предкам... Это когда змеей совращал Адама и Еву, и обнаружил лоскуток на ветке...

Марат вскочил и забежал по комнате. Он терпеть не мог ангелов и больше знать ничего не хотел об этом. Поэтому он схватил кувшин с болотной жижей, густой и пахучей, как старый сапог, выпил её залпом – она обожгла горло и ударила в голову, словно крепкий алкоголь, – и бухнулся спать.

Ему снился гамак.

Он медленно сворачивался вокруг его тела, как бинты на мумии. Канаты затягивались, ткань сжималась, и вот уже Марат лежал неподвижно, обмотанный временем. Его тело укладывалось в каменный саркофаг глубоко под пирамидой Хеопса, в холодной тьме, где стены шептали древние формулы.

И где-то в этой тьме раздался злобный хохот.

(3 марта 2026 года, Винтертур)

Марат на «Роллс-Ройсе»

Гоблин Марат иногда посещал ближайший город Инвойс. Слово «иногда» следовало понимать как «почти неизбежно», если спрашивать об этом у жителей: для них любое появление этого злого и капризного существа завершалось порчей имущества, испорченным настроением и, как правило, незапланированным ремонтом фасадов. Он являлся внезапно, как простуда в разгар праздника, и столь же трудно поддавался лечению. На столбах, на стенах трактиров, у входа в ратушу висели объявления «Розыск» с его фотографией – перекошенная ухмылка, прищуренные глаза, уши, напоминающие раскрытые лопухи. Бумага выцветала, клей отслаивался, но физиономия Марата неизменно смотрела на прохожих с дерзкой самоуверенностью. Сам же гоблин, замечая очередную афишу, останавливался, складывал руки за спиной и долго, с удовольствием разглядывал собственный портрет, горделиво поджимая губы. Известность он считал высшей формой уважения, а страх – самым искренним комплиментом. То, что его опасались, наполняло его грудь тёплым, почти семейным чувством принадлежности к этому городу.

Вот и сегодня гоблин решил появиться в Инвойсе, чтобы напомнить жителям о своём существовании. В хибарке, где стены пропахли сыростью и мышами, он щёлкнул пальцами, и гоблинская магия, вязкая и густая, словно болотный туман, послушно сомкнулась вокруг него. Воздух в центре города дрогнул, будто над раскалённой мостовой, и из этой дрожи стала проступать зелёная голова – сначала контур, затем плоть, уши, вытянувшиеся в стороны, как паруса. Глаза вспыхнули мутноватым жёлтым светом, нос с крючком обозначился резкой тенью. Потом из пустоты вывалились руки – тонкие, жилистые, с длинными пальцами и грязными ногтями; следом возникли ноги в потертых сапогах, неуклюже повисшие в воздухе. И лишь затем, с лёгким чавкающим звуком, пространство уступило место его туловищу – груди в старом сюртуке и непропорционально широкому задку, который материализовался последним, словно магия не спешила брать на себя такую ответственность. Воздух схлопнулся, и Марат полностью оформился в своей привычной телесности.

– Опля! – произнёс он, оглядываясь с видом хозяина, вернувшегося в собственные владения.

Редкие прохожие, заметив гоблина, шарахнулись в стороны, прижимая к груди сумки и детей. Они знали: простой разговор с ним неизбежно перерастёт в конфликт, а любое приветствие может закончиться тем, что Марат, прищурившись, неожиданно плюнет в лицо собеседнику, полагая, что тем самым соблюдает форму светского обмена любезностями. Его плеток представлял собой густую, вязкую смесь едкой кислоты и чего-то рвотно-приторного, что оставляло на коже красные пятна, разъедало ткань и источало запах, способный вызвать у впечатлительного человека слёзы и философские размышления о бренности бытия. Следы от такого «знака внимания» сходили неделями, а воспоминания – годами.

Да и сам Марат благоухал так, словно в его карманах одновременно протухла рыба, скис суп и умерла надежда на проветривание. От него тянуло болотной тинкой, сырой шерстью, старым табаком и чем-то ещё, не поддающимся определению, но настойчиво вторгающимся в человеческое обоняние и надолго там поселяющимся. Этот запах шёл впереди него, предупреждая о приближении лучше всякого колокола.

Итак, Марат оказался на центральной площади Инвойса – широкой, вымощенной серым камнем, отполированным тысячами подошв. В центре возвышался фонтан с потемневшей статуей основателя города; по краям площади стояли дома с узкими окнами и коваными балконами, где обычно сушилось бельё и обсуждались чужие беды. Сегодня окна были приоткрыты осторожно, как веки у человека, притворяющегося спящим. Лавки спешно закрывали ставни, а голуби, встревоженные магическим всплеском, метались под карнизами.

И среди этого привычного городского ландшафта выделялся огромный золотисто-серебряный автомобиль – вытянутый, как хищная рыба, блестящий и неприлично роскошный. Это был лимузин «Роллс-Ройс» королевского класса: длинный кузов с идеально выверенными

линиями, массивная хромированная решётка радиатора, над которой возвышалась фигурка, словно застывшая в полёте; фары – как холодные глаза, скрывающие в себе мощные светодиодные системы; многолитровый двигатель, скрытый под тяжёлым капотом, способный разогнать эту махину плавно и бесшумно, почти без вибраций. Салон, отделанный кожей высшей выделки и редкими породами дерева, был рассчитан на то, чтобы пассажиры забывали о существовании внешнего мира. Подвеска сглаживала неровности так, будто дорога заранее извинялась за свои недостатки, а многослойная шумоизоляция отрезала уличный шум, превращая поездку в медитацию на тему богатства.

Но гоблин не знал ничего о «Роллс-Ройсе», как и вообще об автомобилях. Он видел разъезжающий транспорт и считал это разновидностью человеческой магии, громоздкой и чрезмерно блестящей. В его понимании люди просто заколдовывали металлические коробки, заставляя их мчаться по камню без лошадей. Он был невежественен и не разбирался в научно-техническом прогрессе, зато прекрасно разбирался в том, что блеск часто означает ценность. А ценность, по его мнению, существовала лишь для того, чтобы её присвоить или хотя бы испортить.

– Так, так, – пробурчал Марат, обходя лимузин, как мясник обходит тушу, прикидывая, с какого бока удобнее начать. Он прищурился, увидев собственное отражение в безупречно гладкой золотисто-серебряной поверхности, и, не долго думая, высунул шершавый зелёный язык. Лизнул медленно, со знанием дела, будто пробовал на вкус монету. Металл отозвался холодом и лаковой горечью. Гоблин пожевал губами, поморщился и с презрением сплюнул на мостовую: в блеске не оказалось ни единой крупинки настоящего золота – только краска, ровная, плотная, наглая в своём притворстве. Слюна его, едкая и мутная, зашипела на лакированной поверхности, оставив тусклое пятно, будто машина внезапно покрылась болезнью.

– Обманка, – недовольно произнёс он, но интереса не потерял.

Он щёлкал пальцами по корпусу, наклонял голову, прислушиваясь к глухим и звонким откликам металла, словно надеялся услышать внутри стук спрятанных сокровищ. Потом провёл по двери ногтями – длинными, кривыми, жёсткими, как орлиные когти. На безупречном лаке тут же появились уродливые светлые полосы, пересекающие блеск, как шрамы на лице аристократа. Гоблин не знал, что такое «чужая собственность»; для него всякая вещь, попавшая под руку, была либо игрушкой, либо добычей, либо поводом для эксперимента.

Он дёрнул за ручку – и дверь неожиданно поддалась. Возможно, водитель и вправду отбежал ненадолго, оставив машину без присмотра, рассчитывая на порядочность горожан, или просто спешил в платный туалет, доверившись спокойствию площади. Хмыкнув, Марат проворно вскарабкался внутрь и уселся за руль, утонув в мягкости кресла.

Перед ним раскрылась приборная панель – целый алтарь человеческой техники. Круглые шкалы со стрелками, аккуратно размеченные цифрами; спидометр, обещающий невозможные скорости; тахометр, отсчитывающий обороты невидимого сердца машины; индикаторы топлива, температуры, давления; крошечные огоньки, готовые вспыхнуть зелёным, жёлтым или красным предупреждением. Между ними – экран, гладкий и чёрный, словно застывшее зеркало, в котором отражалась его искажённая физиономия. Всё это мерцало, светилось, манило, но для Марата было бессмысленным набором человеческих символов – таинственных знаков, которыми люди, по его убеждению, заклинали металл.

– Ерунда какая-то, – бормотал он, дёргая рычаги, нажимая кнопки, тыкая пальцами в панели и с силой продавливая педали. Он был уверен, что магия раскрывается через наглость.

Но сработала не магия – техника. Внутри машины мягко, уверенно ожил двигатель. Фары вспыхнули холодным светом. Глубокое «фррррр» прокатилось по корпусу, и тонкая вибрация прошла по рулю, сиденью, полу, передавшись прямо в позвоночник гоблина. Марат взвизгнул, глаза его округлились: ему показалось, что он оказался внутри огромного металлического

дракона, который проснулся и собирается его переварить. В панике он вдавил ногу в педаль акселератора.

Лимузин рванул вперёд с неожиданной для своей массивности стремительностью. Каменная мостовая вздрогнула под колёсами. Первая же преграда – деревянная скамейка – разлетелась щепками, будто была сухой соломой. Огромный кувшин с цветами опрокинулся, разбился, и земля с корнями и лепестками разлетелась по площади. На гладком корпусе машины образовалась вмятина – едва заметная, но всё же нарушившая прежнее совершенство.

Гоблин, отброшенный вперёд, судорожно вцепился в руль, чтобы не впечататься лбом в ветровое стекло. Некоторое мгновение он не понимал, что происходит, только чувствовал движение, слышал рёв двигателя и видел, как площадь стремительно отступает назад. И вдруг до него дошло: дракон слушается его рук. Он управляет этой блестящей тварью. Ядовитая улыбка медленно расползлась по его лицу, обнажив неровные зубы; глаза заблестели восторгом, в котором смешались злоба и азарт первооткрывателя.

Тем временем лимузин помчался по дорогам и узким улочкам Инвойса. Люди в страхе разбегались, прижимаясь к стенам; женщины кричали, дети плакали. Куры, выскочившие из дворов, тревожно кудахтали и взлетали на заборы, собаки захлёбывались лаем, не понимая, на кого именно нападать – на блестящую махину или на сидящего внутри гоблина.

Бургомистр, вышедший на балкон ратуши, чтобы оглядеть город и вдохнуть утренний воздух, застыл, вцепившись в перила. Его круглое лицо побледнело, глаза выкатились так, будто собирались покинуть пределы глазниц, а рот открылся в немом протесте против происходящего. Он видел, как по его аккуратному, упорядоченному Инвойсу несётся чуждая стихия.

– Катастрофа! Безобразие! – выдал он, чувствуя, как сердце стучит где-то в горле.

Марат крутил баранку, не замечая, как за ним бежит водитель – высокий мужчина в строгом тёмном мундире с серебряными пуговицами, в фуражке с эмблемой, перекошенной от спешки. Его обычно безупречная выправка исчезла: он размахивал руками, кричал, задыхался, но продолжал преследование, будто надеялся силой воли остановить автомобиль.

Через несколько мгновений к погоне присоединились две полицейские машины. Их мигалки вспыхнули синим и красным, сирены завывали протяжно и отчаянно. Колёса взвизгнули на поворотах, офицеры с напряжёнными лицами переговаривались по рациям, пытаясь перекрыть улицы.

Но Марат уже вошёл во вкус. Лимузин, тяжёлый и длинный, сносил всё на своём пути. На одной из площадей он задел постамент с памятником какому-то заслуженному генералу – бронзовая фигура покачнулась и рухнула, подняв облако пыли. На клумбах колёса размазывали по мостовой яркие тюльпаны и лилии, превращая их в бесформенное месиво. Витрина кондитерской разлетелась осколками, когда машина, не вписавшись в поворот, пронеслась прямо сквозь стекло; пирожные и торты взлетели в воздух, осыпая капот кремом и бисквитной крошкой.

Он мчался по узким улочкам, едва не задевая стены домов, и каждый поворот сопровождался грохотом, треском, криками. Торговцы бросали тележки, старики прятались в подворотнях, дети разбегались, как испуганные воробьи. Лимузин ревел, фары металась по фасадам, отражаясь в окнах, и весь город, казалось, дрожал от этой безумной гонки.

А за рулём, вцепившись в баранку и хохоча пронзительным, режущим слух смехом, сидел гоблин Марат, впервые в жизни почувствовавший, что человеческая «магия» может служить ему не хуже собственной.

Конечно, так долго продолжаться не могло. На очередном повороте, где дорога сужалась и шла вдоль старого деревянного забора, Марат слишком резко дёрнул баранку. Тяжёлый «Роллс-Ройс» занесло, колёса визгнули, корпус с треском проломил доски, и лимузин, словно огромная блестящая рыба, перелетел через ограду и рухнул прямо в речку. Вода всплеснула мутным фонтаном, разметав в стороны раков и перепуганных рыб; серебристые спины мельк-

нули в мутной глубине, а тина поднялась со дна густым облаком. Мотор захлебнулся, издав жалобное бульканье, фары мигнули и погасли, оставив под водой тусклый, быстро гаснущий отблеск.

На мосту, взвизгнув тормозами, остановились полицейские машины. Дверцы распахнулись почти одновременно, и пятеро сотрудников правопорядка выскочили наружу с таким видом, будто собирались штурмовать вражескую крепость. Они потрясали дубинками и револьверами, выкрикивая угрозы, в которых тюрьма звучала лишь как прелюдия к куда более изошрённым неприятностям. Их сапоги грохотали по доскам моста, лица были перекошены праведным гневом и речной сыростью, уже витавшей в воздухе.

– В тюрьму посадим на сто лет! – вопил капитан, багровый, широкоплечий мужчина с густыми усами, закрученными кверху, словно два боевых крюка. Его мундир сидел безупречно, но сейчас пуговицы едва не отрывались от напряжённой груди, а фуражка съехала набок, придавая ему вид человека, которого только что оскорбили лично и публично.

– В наручники его и дубинкой по морде! – вторил помощник, худощавый, с острым носом и вечно прищуренными глазами, будто он заранее подозревал мир в преступных намерениях.

Остальные трое не отличались красноречием, но компенсировали это интонацией. Они обещали гоблину такую взбучку, что, по их словам, он навсегда забудет, как выглядит город Инвойс, а заодно и собственное имя. Один стучал дубинкой по ладони, другой проверял барабан револьвера, третий просто скалился, предвкушая поимку.

Тем временем виновник событий приуныл. Внутри кабины было тесно, темно и стремительно становилось мокро. Холодная речная вода заполняла салон, поднимаясь к коленям, к бёдрам, к животу. Машина погрузилась наполовину – речка была неглубокой, но для Марата этого хватало. Воду он не любил, как и все гоблины, леприконы и орки: она казалась им враждебной, лишённой твёрдости, к которой они привыкли, лишённой надёжной почвы под ногами. Он метался по кабине, скользя по кожаным сиденьям, дёргал ручки, толкал дверь плечом, но та не поддавалась – вода давила снаружи.

А тут, ругаясь и проклиная всё на свете, в речку полезли полицейские. Они фыркали и втягивали воздух сквозь зубы – вода была ледяной. Раки, потревоженные падением машины, цеплялись клешнями за их ботинки, стараясь пробить кожу и подошву, рыбы в панике тыкались им в животы и бёдра, отчего служители порядка вздрагивали и ругались ещё громче.

– Только попадись нам! – орал капитан, размахивая дубинкой и указывая ею прямо на силуэт гоблина за стеклом.

Марат понял, что всё серьёзно. Его обычная наглость растворилась вместе с остатками сухого пространства в салоне. Он щёлкнул пальцами, бормоча заклинание вполголоса, но от страха перепутал буквы, переставил звуки местами – и магия, всегда капризная, отозвалась неожиданным образом.

В следующее мгновение он исчез из тонущего лимузина и очутился в странной пустыне, которая на карте именовалась как Барханы мертвеца – жуткое место на отдалённой планете. Вокруг тянулись бесконечные волны песка, серо-жёлтого, будто выжженного чужим солнцем. Небо было бледным, почти безжизненным, воздух дрожал от зноя. Между барханами торчали обломки древних сооружений – полуразрушенные колонны, покосившиеся саркофаги, обнажённые ветром кости неизвестных существ. В песке шевелились тени: огромные тарантулы с чёрными блестящими телами и мохнатыми лапами выползали из нор, а из-под дюн временами показывались иссохшие фигуры мумий, медленно бредущих в поисках хоть какой-то цели. Тишина там была такой плотной, что звенела в ушах.

Как он возвращался домой – отдельная история, полная ужасов, случайных союзов, предательств и весьма болезненных столкновений с местной фауной. Достаточно сказать, что к концу пути Марат стал гораздо осторожнее с произношением заклинаний.

А вот «Роллс-Ройс» ремонту не подлежал. Его списали, признали утратой, достойной отдельной статьи в городском бюджете. Репортёры со вкусом описывали безумную езду гоблина в королевском лимузине, соревнуясь в яркости заголовков и восклицательных знаков. Ведь на этом автомобиле ездил сам принц Эдуард Смоккинг Второй – высокий, статный мужчина с безупречной осанкой, холодным аристократическим профилем и тщательно подстриженной бородкой. Он предпочитал тёмные фраки, белоснежные перчатки и смотрел на мир так, будто тот был создан для его удобства.

Теперь же его роскошный автомобиль превратили в подобие подводной лодки, наполненной илом и речной живностью. Кожаный салон пропитался водой, панели покрылись мутными разводами, драгоценная отделка потускнела, электроника вышла из строя, а безупречный кузов украшали вмятины, царапины и следы цветочного крема из кондитерской. Принц был вне себя. Он не просто выражал недовольство – он кипел.

Озлобленные полицейские, не сумевшие схватить гоблина, арестовали водителя, обвинив его в том, что он оставил автомобиль незапертым. Все городские убытки – сломанные скамейки, уничтоженные клумбы, разбитые витрины, поваленный памятник – списали на принца, ведь беспорядки творились на его лимузине. Эдуард Смоккинг Второй не просто ругался; он, сверкая глазами, обещал поймать гоблина Марата и повесить за уши на самой высокой башне Инвойса.

Но найти гоблина к тому моменту было невозможно. Он носился по Барханам мертвеца, спасаясь от пустынных тарантулов и медлительных, но настойчивых мумий, проваливаясь в раскалённый песок и проклиная тот день, когда впервые сел за баранку «Роллс-Ройса».

(4 марта 2026 года, Винтертур)

Как гоблин Марат посетил картинную галерею

Гоблина Марата никогда не интересовало искусство. Его, если быть точным, кроме золота вообще ничего на свете не интересовало. Золото – звонкое, тяжёлое, жёлтое, пахнущее властью и жадностью. Ну, может, ещё пожрать. И пожрать не что-нибудь приличное, полезное и одобренное диетологами, а наоборот – гадкое, едкое, вызывающее у нормального существа содрогание. Он мог с аппетитом умять жирную жабу, тушённую в густом соусе из толчёных скорпионов и прелого камыша; мог с хрустом перегрызть крысе хребет и потом испечь её прямо в золе, не удосужившись ошипать; а иногда, если был особенно голоден и ленив, сжирал добычу сырой – с шерстью, с писком, с хлюпающей внутренностью, которая приятно растекалась по его клыкам. После таких трапез он довольно облизывался, и от него начинало пахнуть ещё хуже, чем обычно.

И тем удивительнее было то, что Марат вдруг оказался в картинной галерее, открывшейся неделю назад в городе. Если честно, он попал туда вовсе не целенаправленно, а совершенно случайно. Прогуливаясь по улицам Инвойса и размышляя, какую бы пакость учинить на этот раз – подменить ли вывески на лавках, заколдовать ли водосток, чтобы из него текла липкая слизь, – он наткнулся на широко распахнутые двери и аккуратную табличку: «Картиная галерея. Высокое искусство. Вход свободный».

Слова «галерея» и «искусство» показались ему подозрительными. Они звучали так, будто их произносили с придыханием и закатыванием глаз, словно это были не обычные слова, а замысловатое заклинание. «Га-ле-ре-я... ис-кус-ство...» – беззвучно шевелил он губами, прикидывая, не скрывается ли за ними ловушка или магическая формула. Но двери были открыты, изнутри доносился тихий гул голосов, а главное – вход разрешался бесплатно. А бесплатно Марат любил больше всего на свете, иногда даже больше, чем золото.

Он осторожно шагнул внутрь.

Зал оказался просторным, светлым, с высокими потолками и мягким рассеянным светом, льющим из скрытых ламп. Стены были увешаны картинами в тяжёлых золочёных рамах. Люди медленно передвигались от одной работы к другой, склоняли головы, складывали руки за спиной и с умным видом всматривались в мазки.

Здесь можно было увидеть полотна Рубенса, Айвазовского, Репина. Рядом висели работы Леонардо да Винчи, Рембрандта, Веласкеса, Ван Гога, Клода Моне, Гойи, Караваджо, а также мастеров Востока – Хокусая с его волнами, китайского живописца Ци Байши с тонкими изображениями креветок и бамбука, персидские миниатюры, полные изящных деталей и золота.

Посетители тихо ахали, переглядывались, шептали что-то о свете, композиции и внутреннем напряжении цвета. В центре зала стояла экскурсовод – солидная женщина лет пятидесяти с аккуратно уложенными седыми волосами, в строгом тёмном костюме и с тонкими очками на цепочке. Её голос был поставлен, спокоен и наполнен уважением к предмету. Она держалась с достоинством, как жрица в храме прекрасного.

– Перед вами картина «Сикстинская мадонна», – произнесла она, указывая на полотно. – Автор – Рафаэль Санти, великий мастер Высокого Возрождения. Картина была написана в начале XVI века для монастыря Святого Сикста. Обратите внимание на мягкость линий, на небесный фон из облаков, в которых угадываются лики ангелов. Мадонна с младенцем словно выходит к зрителю, ступая по облакам. Внизу – святая Варвара и папа Сикст Второй. А два ангелочка, задумчиво опирающиеся на край, стали одним из самых узнаваемых образов в истории искусства...

Марат долго рассматривал картину. Он щурился, наклонял голову, подходил ближе, отходил назад, даже принюхался, будто надеялся уловить запах золота под краской. Ничего, кроме холста и масла, он не почувствовал.

– Какая ерунда! – фыркнул он наконец.

В зале стало тихо. Люди обернулись почти одновременно, и на их лицах отразилось одно и то же выражение – смесь раздражения и тревоги. Никто не хотел общаться с гоблином. Его знали. Его запах уже начал медленно распространяться по помещению, разрушая атмосферу возвышенности.

Экскурсовод солидно закашляла в кулак, стараясь сохранить самообладание. Скандал в её планы не входил.

– Что вам не понравилось, господин гоблин? – поинтересовалась она с подчеркнутой вежливостью.

– Всё! – хмыкнул Марат, шевеля длинными зелёными ушами. – Просто размазанная краска по холсту. Кто-то взял кисточку, поводил туда-сюда – и готово. И на это нам, людям и гоблинам, тратить время?

В зале раздались возмущённые вздохи.

– Это искусство! Наш культурный код! – воскликнула экскурсовод, и в её голосе впервые прозвучала искра подлинного чувства. – Это то, что делает нас больше, чем просто существами, озабоченными едой и золотом. Это память поколений, мысль, воплощённая в цвете и форме!

Марат презрительно скривился, но в глубине его маленьких глаз мелькнуло нечто похожее на растерянность – словно он впервые столкнулся с чем-то, что нельзя было ни укусить, ни украсть, ни обратить в золото.

Однако гоблин не хотел сдаваться и потому, скрестив руки на груди и покачиваясь с пятки на носок, спросил с вызывающей ленцой:

– И что это ваш Рафаэль Санти хотел этим сказать? Что какая-то баба сидит с ребёнком, перед ней склонился старикан, а вокруг летают придурки с крыльями?

– Какое кощунство! Какое невежество! Какая наглость! – заохали посетительницы, прижимая к груди сумочки и веера. Мужчины побагровели от гнева, челюсти у них напряглись, кулаки сжались, и лишь уважение к месту удерживало их от того, чтобы немедленно вытолкать Марата на улицу. Экскурсовод побледнела, словно сама стала частью полотна, и произнесла, стараясь сохранить достоинство:

– Господин гоблин... там идёт серьёзный разговор. Папа Сикст Второй склонился перед Мадонной и говорит ей...

– А что именно говорит? – лениво перебил Марат, ковыряя когтем в зубе.

Женщина запнулась. Она знала о символике, о богословских смыслах, о композиции и эпохе, но сформулировать конкретную фразу, которую папа якобы произносит, оказалось неожиданно трудно. В её глазах блеснула растерянность.

Марат мгновенно уловил это. Он захохотал – тонко, противно, с подвыванием.

– Ладно, я сам спрошу!

– Как? – не поняла экскурсовод.

Гоблин не стал ничего объяснять. Он щёлкнул пальцами.

И все присутствующие увидели невозможное: его зелёное тело, словно втянутое невидимой воронкой, вытянулось, стало плоским, затем мягко проскользнуло сквозь поверхность холста. Марат буквально вошёл в картину, и теперь его фигура стояла между Мадонной с младенцем и папой Сикстом Вторым.

Внутри полотна всё оживило.

Облака заколыхались, словно под порывом ветра. Мадонна отшатнулась, прижав к себе младенца. Тот испуганно заплакал, и его крошечные пальцы вцепились в складки материнской одежды. Папа Сикст вздрогнул, вскочил на ноги и поспешно перекрестился, его лицо побледнело.

Над Маратом с гневным шелестом закружили ангелы. Их крылья трепетали, как у рассерженных пчёл, и воздух вокруг наполнился напряжённым гулом.

– Вы кто такой? – спросил папа Сикст, стараясь придать голосу твёрдость.

Марат сплюнул ему под ноги – плевком зашипел на мраморной поверхности облака.

– Я – Марат! Слыхали?

– Это демон! Это Сатана! – запричитал священнослужитель. – Изыди!

Мадонна гневно сверкнула глазами. В её взгляде не было паники – только холодное, строгое осуждение.

– Что делает это нечестивое существо в картине? В моей картине?

– Хочу узнать, о чём вы тут болтаете, – насмешливо ответил Марат. – А то в галерее все стоят, смотрят, вздыхают – и никто не понимает, о чём могут разговаривать старик и женщина с ребёнком. Алименты требуете? Или денег в качестве пособия? Или шантажируете этого дурака? – и он ткнул когтем в папу Сикста.

После этого, совершенно бесстыдно, гоблин схватил край зелёной занавеси, ниспадавшей сверху, и с громким, отвратительным звуком высморкался в неё. Слизь густо растянулась по ткани, оставив липкий след, совершенно неуместный среди возвышенной гармонии красок.

Тут вперёд выступила святая Варвара. Её лицо, прежде спокойное и мягкое, стало строгим. В её глазах вспыхнуло негодование.

– Ты не понимаешь, где находишься, – произнесла она твёрдо. – Здесь изображена тайна воплощения, смирение и жертва. Это не сцена для твоих насмешек.

– Тайна? – передразнил Марат. – Да это просто нарисованная болтовня!

– Болтовня? – тихо переспросила Мадонна. – Это разговор о судьбе мира. О страдании, которое предстоит моему Сыну. О вере и надежде.

– Красиво сказано, – хмыкнул гоблин. – Но звучит как пустые слова.

Ангелы, до сих пор кружившие над ним, вдруг резко снизились. По молчаливому знаку Мадонны они одновременно схватили Марата за длинные зелёные уши. Гоблин взвыл – впервые за всё время не от злобы, а от настоящей боли.

– Отпустите! – завопил он, дрыгая ногами.

– Искусство не для тех, кто приходит только разрушать, – спокойно произнесла Мадонна.

Ангелы взмыли вверх, подняв гоблина в воздух, затем развернулись и с силой вышвырнули его из картины.

В зале галереи раздался глухой хлопок. Марат вылетел из полотна, как пробка из бутылки, и рухнул на паркетный пол, прокатившись до самой стены. Посетители вскрикнули, экскурсовод прижала ладонь к груди.

Картина вновь стала неподвижной. Мадонна стояла спокойно, младенец больше не плакал, папа Сикст смиренно склонился, а ангелы задумчиво смотрели вниз, словно ничего и не произошло. Только зелёная занавесь в верхней части полотна казалась чуть более взволнованной, чем прежде.

И грязный след соплей на ткани остался – отвратительный, мутно-зелёный, нелепый мазок на величественной складке занавеси. Он нарушал гармонию, резал глаз, как фальшивая нота в стройном хоре, и казалось, что сама краска полотна брезгливо отстраняется от этого пятна.

Марат вскочил, потирая уши. Они горели и пульсировали, словно в них всё ещё вонзались ангельские пальцы.

– Дураки, – сказал он, отряхиваясь.

И было непонятно, к кому он обращается: к ангелам, папе Сиксту или к посетителям галереи. Возможно, ко всем сразу.

Никто ему не ответил. Люди молча отвернулись. Экскурсовод, побледневшая, но сохранившая внешнее достоинство, быстро собрала группу и повела её дальше, словно старалась

увести слушателей от дурного сна. Они остановились у большой, почти во всю стену, картины «Ночной дозор».

Полотно поражало движением и светом. Из темноты выступала группа вооружённых людей – мушкетёров и горожан в чёрных камзолах с белыми воротниками. В центре, залитые золотистым светом, стояли капитан в чёрном с красной перевязью через грудь и его лейтенант в светлом костюме. Лица, жесты, развевающиеся знамена, блеск металла – всё словно находилось в движении. Свет вырывал фигуры из густой тени, создавая ощущение глубины и напряжённого ожидания.

– Это произведение мастера Рембрандта ван Рейна, – начала экскурсовод, голос её постепенно обретал прежнюю уверенность. – Картина написана в XVII веке и официально называется «Выступление стрелковой роты капитана Франса Баннинга Кока». Основная композиция построена на контрасте света и тени. Рембрандт нарушил традицию статичного группового портрета: вместо спокойного позирования мы видим движение, момент выхода отряда на службу. Это не просто изображение людей, это драматургия света, объединяющего персонажей в едином действии.

Посетители внимательно всматривались в лица, в детали одежды, в загадочную девочку с курицей на поясе, сияющую золотым пятном в глубине сцены.

Марат стоял позади всех, слушал и морщился. Он не любил, когда ему что-то объясняли с таким важным видом. «Драматургия света», «композиция», «движение» – всё это звучало для него подозрительно.

– Проверим, – пробормотал он.

Он снова щёлкнул пальцами.

И в тот же миг оказался внутри картины.

Свет, густой и тёплый, ударил ему в глаза. Воздух пах порохом, кожей и влажной древесиной. Вокруг него были люди – высокие, крепкие, вооружённые мушкетами, шпагами, алебардами. Их сапоги стучали по каменной мостовой, знамя колыхалось над головами.

Марат оказался прямо посреди строя.

Рядом с ним щёлкнул курок. Несколько шпаг с металлическим свистом вылетели из ножен и тут же упёрлись в его грудь и горло. Мушкеты поднялись, направленные ему в лицо. Один из стрелков стиснул зубы, другой прищурился, оценивая расстояние.

Капитан дозора – высокий мужчина в чёрном, с алой перевязью и решительным лицом – шагнул вперёд. Его глаза сверкнули в золотистом свете.

– Ты кто такой? – закричал он, и голос его перекрыл гул шагов и звон металла.

Марат медленно оглядел острия шпаг, которые дрожали в нескольких сантиметрах от его живота, и нервно сглотнул.

Впервые за долгое время он почувствовал, что оказался не самым опасным существом в помещении.

– Я? Марат, гоблин! – заикаясь, произнёс он, чувствуя, как острия шпаг неприятно холодят кожу.

Стрелки переглянулись. В их взглядах читалось искреннее недоумение: ни о каких гоблинах они отродясь не слышали.

– Это шпион! – вдруг завопил барабанщик, щуплый юнец с покрасневшими щеками, прижимая к боку барабан. – Я узнал его! Он шпионил в пользу врагов Марии Медичи!

Имя прозвучало весомо и страшно. Этого оказалось достаточно.

– Арестовать его! – вскричал капитан.

Солдаты действовали быстро и слаженно. Две пары крепких рук схватили Марата за плечи, третья вывернула ему кисть, четвёртая сдёрнула с пояса кривой нож. Его уши дёрнули так, что он взвизгнул, а шпаги прижались к рёбрам.

– Нет, нет, идиоты! – орал Марат, дрыгая ногами. – Я не шпион! Я гоблин! Отпустите меня!

– В тюрьму его! – отрезал капитан. – А потом передадим его Святой инквизиции!

Слово «инквизиция» прозвучало как приговор. Стрелки одобрительно загудели.

– Да! Да! Наказать шпиона!

Поняв, что дело пахло палёным и что перспектива знакомства с инквизиторскими инструментами ему совсем не улыбается, Марат поспешно пробормотал заклинание. Он щёлкнул пальцами – на этот раз почти без ошибки.

В воздухе вспыхнула зеленоватая искра.

Капитан, барабанщик и ещё двое мушкетёров вдруг съёжились, их лица вытянулись, мундиры затрещали по швам. Кожа покрылась влажной слизью, руки втянулись в туловище, ноги укоротились и раздвинулись в стороны. Через мгновение на мостовой вместо вооружённых людей сидели четыре огромные, пупырчатые жабы в обрывках кружев и перевязей. Одна из них, ещё с красной капитанской лентой, обвисшей через скользкое тело, растерянно моргнула выпуклыми глазами.

– Ква-а-а! – огласило зал.

Жабы заквакали и в панике запрыгали по помещению, оставляя влажные следы на камнях. Барабанщик-жаба попытался ударить по барабану перепончатой лапой, но лишь жалобно хлопнул.

– Колдовство! – заорал молодой лейтенант, побледнев. Он выхватил шпагу и бросился на Марата, намереваясь проткнуть его насквозь.

Но гоблин извернулся, как уж, и в последний момент снова щёлкнул пальцами.

Мир завертелся, краски растянулись в полосы – и он вылетел из картины, словно выброшенный ядром.

Глухой удар. Марат рухнул на пол галереи и с размаху стукнулся лбом о мраморную колонну. В глазах у него вспыхнули искры – настоящие, золотистые, рассыпающиеся веером. На секунду ему показалось, что они прожгут ковёр, лежавший на холодном мраморе. Он застонал, схватился за голову и перекатился на бок.

В зале воцарилась гробовая тишина. Посетители медленно повернулись к картине. Там, где только что гордо выступала стрелковая рота, теперь красовалась странная сцена: вместо вооружённых людей по освещённому пространству прыгали и квакали крупные жабы. Одна из них стояла на задних лапах, словно всё ещё отдавая приказ, другая держала барабан, третья нелепо пыталась вскарабкаться на пушечное колесо. Знамя свисало над ними, придавая происходящему ещё более абсурдный вид.

– Это фальшивая картина! – возмутился кто-то из посетителей. – Это картина про земноводных, а не «Ночной дозор»! Нам подсунули фальшивку! В этой галерее нет настоящих картин!

Слова подхватили другие.

– Мошенничество!

– Обман!

– Мы требуем объяснений!

В галерее начался скандал. Люди размахивали руками, указывали на полотно, перебивали друг друга. Кто-то грозил жалобой в городскую управу, кто-то требовал вернуть деньги – хотя вход был свободный.

Экскурсовод, бедная солидная женщина, отчаянно пыталась сохранить порядок. Она прикрывалась зонтиком, словно щитом, от наседавших мужчин и женщин, которые тянулись к ней с обвинениями и вопросами. Очки её перекосились, причёска начала распадаться.

– Это... это временный эффект! – лепетала она. – Возможно, реставрационные работы... особый ракурс света...

Но её никто не слушал.

Прибежал директор галереи – полный господин с потным лбом и развевающимся галстуком. За ним семенила секретарша с папкой в руках и испуганными глазами. Директор пытался перекричать толпу, размахивал руками, но в ответ получил поток упрёков. Кто-то толкнул его в плечо, кто-то задел локтем секретаршу, папка упала, бумаги рассыпались по полу.

Словесная перепалка быстро переросла в суматоху: один посетитель попытался дёрнуть раму картины, другой схватил его за рукав, началась потасовка. В зале гремели шаги, раздавались крики, зонтик экскурсовода описывал в воздухе отчаянные дуги.

А Марат сидел в углу, потирая ушибленный лоб, и тихо хихикал. Его глаза блестели злорадством. Он не ожидал, что простая шалость вызовет такой переполох в этом учреждении, где люди ходили с умными лицами и говорили о «культурном коде». Теперь же их благородные разговоры растворились в криках и обвинениях.

Гоблин довольно оскалился. Искусство, похоже, оказалось куда более хрупким, чем он предполагал.

Пока администрация выясняла проблему с посетителями при помощи кулаков, крика и зуботычин, Марат продолжил свой поход по картинной галерее. Он прошмыгнул вдоль стены, стараясь держаться подальше от особенно ретивых ценителей искусства, и остановился у огромного полотна «Утро в сосновом лесу» мастеров Шишкина и Савицкого – эти имена он прочитал на табличке под тяжёлой золочёной рамой.

Он долго рассматривал медведей, которые играли среди вековых деревьев, в туманной прохладе раннего утра, и решил, что ничего плохого не случится, если немного подразнить этих животных.

Не теряя времени, он произнёс заклинание – и в третий раз его втянуло в полотно.

Он оказался в лесу. Вокруг стояли высокие сосны с тёмной корой, их стволы уходили вверх, теряясь в лёгкой дымке. Сквозь ветви просачивался мягкий, золотистый утренний свет. В воздухе пахло смолой, сырой древесиной и прелыми иголками. На поваленном дереве, покрытом мхом, лежала влажная роса. Где-то в глубине леса перекликались птицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.